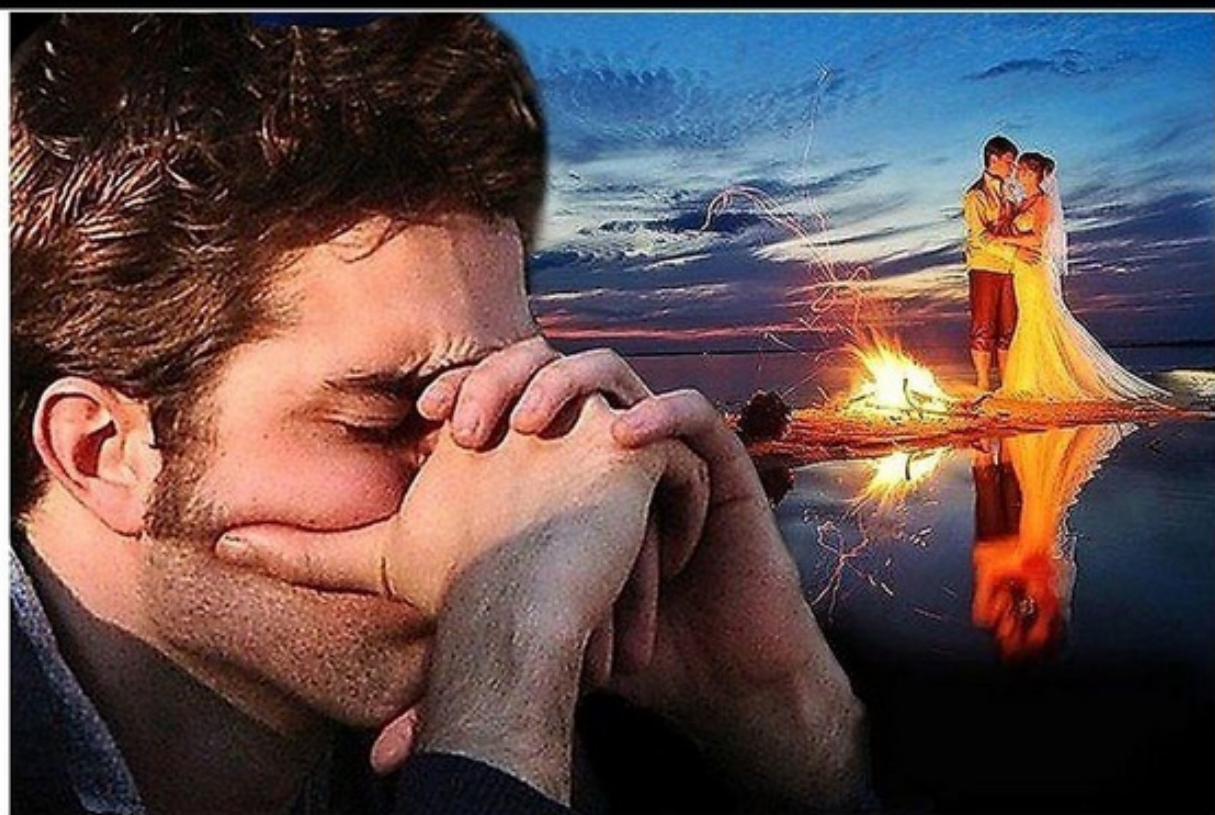

БОРИС АЛИЩУК

Поэмы

Борис Алищук

Поэмы

«Издательские решения»

Алищук Б.

Поэмы / Б. Алищук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-643460-8

В этой книге собраны три поэмы: «Суворов» — биографическая, «Сказание о Емельяне Пугачёве» — биографическая, «Судьба Ивана» — лирическая. Четвёртая тематическая книга.

ISBN 978-5-00-643460-8

© Алищук Б.
© Издательские решения

Содержание

Суворов А. В.	6
Сказание о Емельяне Пугачёве	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Поэмы

Борис Алищук

© Борис Алищук, 2024

ISBN 978-5-0064-3460-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Суворов А. В.

Пять лет, как нет Петра с Россией;
Скорбит империя о нём.
Затем пять лет прошло стихией,
В правлении, забытым сном.

.

Шёл тысяча семьсот тридцатый,
Взошла тут Анна на престол.
Бирон её был провожатым,
Для Иоановны «крыл стол».
Стучал в окно ноябрь набатом,
В семье дворян родился сын,
В дворе, не так уж и богатом,
Мальчишка рос всего один.
Был худощавым и болезным;
Был нелюдимым, скрытным и....,
Его занятием известным ... —
Водил солдатиков, в бои.
Имел он много разных книжек,
С утра до вечера читал.
Он не играл среди мальчишек,
Так как ещё был очень мал.
Его отец был подпоручик,
Гвардейский статский офицер.
Артиллерист, так скажем – «лучник»,
В России – лучший инженер.
Шло время, дети подрастали,
На службу срок пришёл идти.
Дворян заочно обучали,
За канцелярские рубли.
Дворянство брали в офицеры,
Оно из голубых кровей.
Оно совсем другой уж веры
От сапожищ и до бровей.
Вот уж шестнадцать Александру
Исполнилось, пора служить.
Его военному азарту
Пришла пора дела вершить.
Но не был в том отец уверен,
– «Какой из слабого боец?
Для канцелярии примерен»,
И в том его предел – венец.
Не примерим был Александр,
Стремленьем он хотел служить.
Он был предвестником Кассандры,
Не мог без службы, просто, жить.
Но вот сбылась мечта, и вскоре

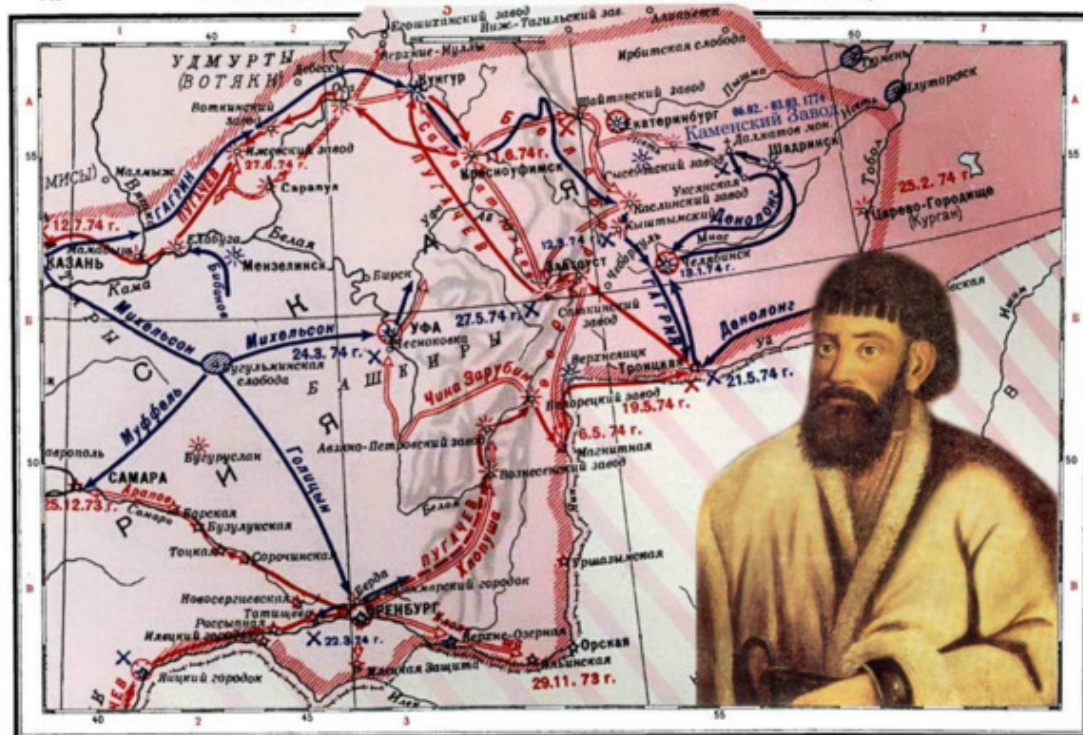
Попал в Семёновский он полк.
Зачислен рядовым, в дозоре
Он показал не малый толк.
Водой холодной обливаясь,
Он выпрямлял былую стать.
Постясь, ни в чём не расслабляясь,
Смог всю стратегию познать.
Служил лет девять без излишеств,
И вот, поставлен на пример.
Не нужно не застольев, пиршеств,
Вот он уж русский офицер.
Шло время пятьдесят четвёртый
Пришёл и грянул вдруг войной.
Подполз прусак к России подлый,
И начался кровавый бой.
Суворов взял отряд «летучих»,
Он делал вылазки, набег.
Искал прорехи, прусов мучил,
Всегда, везде имел успех.
В конце войны Екатериной
В полковники представлен был.
Не славой сыт он был единой,
А в том, что хитрость находил.
Имея опыт за спиною...,
Ему доверили полки.
Полк Астраханский был, не скрою,
Затем и Суздальский, таки.
Он был отцом солдатам бравым,
Во всём всегда спешил помочь.
Наполнил службу смыслом здравым,
И увеличил её мочь.
Учил солдат своих смекалке:
«Уменьем бей, а не числом.
Не доверяй солдат считалке,
Спешите делать лишь добро».
– Душой одерживай победу,
Здесь руки, ноги не причём.
Между солдат он вёл беседу,
Сомкнувших круг своим плечом.
Вновь начались в округе войны,
Теперь с турецкой стороны.
Очаковская крепость в пойме,
Кинбурн с турецкой стороны.
Нет туркам в Днепр широкий хода,
Но их десант уж на косе.
Окопы роет до подхода
В лиманской узкой полосе.
Суворов был всегда спокоен,
Покров в октябрь не пренебрёг.

Он на молебен был настроен,
Обет христианина сберёг.
И уж потом задал он туркам,
Такого в битве стрекача.
Что ядра рвались к туркам гулко,
За пятки турок щекоча.
Два раза был Суворов ранен,
Но с саблей не слезал с коня.
И как бы не был враг коварен,
Он бил его во всю гоня.
Потёмкин битвой был доволен,
Его Суворов не подвёл.
Хотя в плечо был ранен, болен,
Но всё ж был бодрым и весёл.
На юге турок негодуя,
Собрал сто тысяч басурман.
У речки Рымник всё лютуя
Юсуф-паша надел тюрбан.
Сел на шелковые подушки,
Послал разведкой в степь гонца.
У крепости расставил пушки,
И пригубил слегка винца.
День проходил, и шёл к закату,
В клубах пыли спешил гонец.
Стуча копытами по плату,
Прибыл к визирю наконец.
Он впопыхах вбежал в покои,
Чтобы обрадовать пашу.
– О, визир, русские в простое,
В степях далёких, так скажу.
Их меньше нас в четыре раза,
Готовности, ну никакой.
Аллахом к битве путь указан,
Нарушим завтра их покой.
Ушёл гонец, визир в раздумье,
О почестях, наградах он.
Сошёл совсем на полоумье,
И впал в счастливый, сладкий сон.
Под утро он вскочил от шума,
«– О визир, русские кругом»,
– Услышал он, да где ж фортуна?
Аман! Аман! Аман! – наш дом.
Суворов скор к передвиженью,
Любил врасплох врага застать.
Он друг такому наважденью,
Врага старался в страх вогнать.
То там, то тут беснуют турки,
Потёмкин вновь отдал приказ:
– Разбить Измаил! эти чурки

Имеют что-то против нас!
Взяв по пути Фанагорийский
И Апшеронские полки.
Пошёл Суворов в путь не близкий,
Но и не дальний путь, таки.
Там в доле чистом при Дунае,
Стояла крепость Измаил.
Глубокий ров её скрывает,
И вал к ней путь отгородил.
Старик Суворов был не промах,
Он взял с собой вязанок воз.
(Весь хворост, после бурелома),
И лестницы с собой привёз.
Там в стороне от Измаила,
Возвёл военный городок.
С утра до вечера учила
Солдат сноровка, брать всё в толк.
И вот пред боем накануне,
Суворов к туркам шлёт посла.
– Не верьте, – говорит фортуне,
Она вам часто не везла.
Сдавайтесь, черти, нет ведь смысла,
Противиться и воевать.
Не стал Суворов ждать те числа,
Махмет их мог лишь нагадать.
И вот он в штурм средь зимней ночи,
На приступы пошли полки.
Картечью били, что есть мочи,
Разбили крепость на куски.
И вновь великая победа,
Внезапность, натиск и разгром.
Фельдмаршал этот – непоседа,
На небе ясном гулкий гром.
Ничто не вечно под Луною,
Прошёл Екатеринин век.
И нитью вышит золотою
В истории сей человек.
Но вот на трон восходит Павел,
Екатерины славный сын.
Он всё по – своему расставил,
И Гатчину восстановил.
Он вспыльчив, но всегда отходчив,
С ним князь Репнин, завистник был.
И Павлу часто, между прочим
Об Александре говорил.
Что он смеётся над уставом,
Мундиры не во вкус ему.
Что государство под ударом,
Такой, как он, тут ни к чему.

– Довольно! В Кобринское, в ссылку! —
Тут Павел в гневе осерчал.
– Пусть съездит отдохнёт в побывку
Чтоб здесь мне не воображал!
Едва Суворов здесь обжился,
Как предписанием агент.
К нему коллежский заявился,
Сказав, что кончен уикенд.
Пора в Кончанское именье,
Фельдмаршал не собрав вещей
Уехал в миг без промедленья,
Не пригубивши, даже щей.
И под Николенским надзором,
Стал наш Суворов проживать.
Окинувши именье взором,
Дубиху смог облюбовать.
Прекрасный двухэтажный домик,
Стоит на горке небольшой.
Удобная беседка, столик,
Ребят ватага, шумный рой.
С фельдмаршалом играли в бабки,
Бросали камушки вокруг.
И попадали в цель с накатки,
Для них Суворов – лучший друг.
Любил фельдмаршал во светёлке,
Бои былые вспоминать.
С ребятами сидеть у ёлки,
И тонкостям всем обучать.
Однажды вечером в стон выюги,
Раздался чей-то гулкий стук.
Полковник Павла Толобухин,
Вручил пакет из первых рук.
Ну, вот и вызов долгожданный,
«...Виновного пусть бог простит...», —
Писал так Павел, друг желанный,
Да, было видно, что он льстит.
Писал: «Прибуди скорее в Питер,
Судьбу Италии реши.
Тебя жаждался римский лидер,
Забуди былое, поспеши.
И он приехал, разобрался,
Собрал несметные полки.
К Вероне тот час же помчался,
Верона пала, у реки.
В Адде французы закрепились,
В местечке Сен-Джервазио.
Ну, а суворовцы явились,
Там где не ждали их давно.
Застав врасплох, ударив силой,

Разбив французов в пух и прах.
Суворовцев на всех хватило,
Чтоб именем вогнать всех в страх.
При переходе через Альпы,
Старик здоровье подорвал.
Он не услышал пушек стрельбы,
Столичный фееричный шквал.
Обещанный приезд в карете,
Был в Петербурге отменён.
На императорском совете,
Суворов Павлом был клеймён.
И снова Павел шлёт курьера,
Больному старику в укор.
Отчёт Кутайсов ждал не в меру,
Суворов Павлу дал отпор.
Простудой свален был Суворов,
Всё бредил, бредил про поход.
И чувствуя, что смерть уж скоро,
Твердил: «в сражение, вперёд!»
Не выдержало сердце боли,
Остановилось на века.
Душа в опале и неволе,
Умчалась вверх за облака.
В палате серой с чёрным крепом,
Разложены все ордена.
И в состоянии нелепом,
Стонала в скорби вся страна.
На лавре Александро-Невской,
Лежит бездыханно герой.
Надгробный камень, стиль гротеско....
«Суворов здесь обрёл покой».

Сказание о Емельяне Пугачёве

I

Во льдах, уральские вершины,
Блистают в солнечных лучах.
А их глубокие долины,
Журчали весело в ручьях.
Темна, грустна была Расея,
Лишь ветер, в ней надежды сея,
Пытался как-то превозмочь
Решить невзгоды и кручины,
Вздымая снежные вершины,
Хотел хоть силою помочь.
Но не было приволья, слада,
Он дул туда, куда не надо.

II

Не лёгок век Екатерины,
Давался казакам лихим.
Нешадно гнули смерды спины,
Тая свой гнев в очах немых.
Оплату недополучали,
Условия все удручали.
Их быт, как иго угнетал,
Хотелось светлого, простого,
И слова слышать не пустого
О том уж каждый лишь мечтал.
Но некому на бой возглавить,
Пока Екатерина правит.

III

Шли годы ненависти, гнева,
На Яике был каждый рад,
Подняться на благое дело
За униженья, боль утрат.
Лишь только искры малой ждали,
Народ Урала б весь подняли,
И повели в бой за собой.
Круша, громя всю знать повсюду,
И тут явилось чудо люду.
Нашёлся среди них герой.
Не сразу, правда, постепенно
Проник в сердца, засев там бrenно.

IV

Я расскажу вам о бродяге,
В калмыцкой шапке с бородой,
В верблюжьем ношеном армяке,
Повсюду он искал постой.
Он докой был до всех ремёсел,
Но вскоре, то занятие бросил.

Примкнул к яицким мужикам;
Возглавил их, своим величием.
Повёл, как царь, но с правом птичьим,
Свои несметные войска.
По оренбуржским околотам,
Брать хутора в наскок оплотом.

V

Представлен был, как —«Пётр III»,
Сбежавший от судьбы своей.
Минувший хитро сети смерти,
Екатерининых затей.
Теперь он ищет только мщенья,
За беды, траты, униженья.
Готов вести всех на Москву,
Сметая на пути все грады,
Пришла уже пора расплаты.
Настанет время торжеству.
Когда пойдут крестьяне в бой,
И принесут стране покой.

VI

Но всё вершилось по-другому,
Разбой несла его орда.
По неизвестному закону,
В котором не было добра.
Для многих был он, лишь Емелька,
Такой же как и Разин Стенька.
Простой колодник Пугачёв,
Его за то лишь уважали,
Что логика его из стали.
И знает вес для нужных слов.
Он был кумиром очень многих,
Несчастных, бедных и убогих.

VII

Все шли отсюда, примыкая,
К нему с губернь и хуторов.
Всей правды-матушки не зная,
Сражаться каждый был готов.
Победы брались за победой,
Известия неслись кометой.
Повсюду освещая пыл,
Его разбойников отважных,
Хоть с виду вовсе и не важных.
На лицах ужас злобный был.
А тот, кто против был их стаи,
Тех вешали, рубили, драли.

VIII

Лишь Оренбург не поддавался,
«Орешком», твёрдым, грозным был.
Отбил атаки и не сдался,

Полк Пугачёва отступил.
Подался на ближайший хутор,
Там встретили его не худо.
Ковры повсюду разослали,
Навстречу с хлебом соль несли,
Попа встречать его послали,
С крестом, иконой, честь в чести.
Народ весь падал ниц, молился,
Тут Пугачёв к ним обратился:
IX

– Вставайте, детушки, с колен,
На вас я не держу обиду.
Не заберу вас даже в плен,
Вы очень милые все с виду.
А где же ваши казаки?
Искать мне стало не с руки.
Пусть завтра предо мной пристанут,
Зовите их скорей ко мне.
И сразу, в том текущем дне,
С конями за узду их тянут.
Прощая, всех берут с собой,
А завтра снова новый бой.

X
Сидел в остроге оренбургском,
Хлопуша, – та ещё был тать.
В колодках в подземельи узком,
Но раза три успел сбежать.
Его, конечно возвращали,
Но стены долго не держали.
Тогда начальник Рейнсдорп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.